

ТРЕХУРОВНЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ М. ФУКО

Русаков С. С.

Русаков Сергей Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, 193060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1–3, 7-й подъезд. Эл. почта: arias456@mail.ru

В статье анализируются ключевые проблемы, связанные с концепцией политической власти М. Фуко. Основной тезис статьи состоит в том, что М. Фуко в своем творчестве очерчивает черты трехуровневой системы управления, к которой прибегает политическая власть. Эти три уровня управления, или, в целом, власти, появлялись в различные исторические периоды и накладывались друг на друга, параллельно развиваясь в большой комплекс стратегий власти. В эпоху становления государства-нации это была суверенная власть, в период расцвета Нового времени особенно развивалась дисциплинарная власть, а для современного западного общества и государственного управления характерна биовласть. Эти три типа управления в своем взаимодействии и формируют тот комплекс управления людей, которую Фуко обозначал как «концепцию правительственности». Особенно подчеркивается, что каждый из этих типов власти всегда обладал и неким теоретическим фундаментом, который непосредственно влияет на ее дальнейшее развитие. Основным источником для оформления этой трехуровневой системы является курс лекций «Нужно защищать общество», однако отдельные концепты для того или иного типа власти можно обнаружить в других исследованиях Мишеля Фуко. В целом эту трехуровневую систему власти можно использовать как методологию для исследования властных отношений в современном мире, особенно в тех случаях, когда традиционные концепции власти могут не обнаружить регулятивные функции власти, характерные для биовласти, или дисциплинарные механизмы, которые не характерно анализировать в рамках традиционного подхода к власти.

Ключевые слова: власть, суверен, дисциплинарная власть, биовласть, государство, нормализация.

Курс лекций Мишеля Фуко под названием «Нужно защищать общество» (Фуко, 2005) интересен с точки зрения подхода к анализу власти. В ходе своего исследования Фуко очерчивает в ходе своего исследования три типа власти, которые он располагает в хронологическом порядке, однако не отвергает их активного взаимодействия. В этом исследовании Мишель Фуко выделяет три основных исторических типа политической власти, которые присущи западному миру — это суверенная власть, дисциплинирующая власть и биовласть.

Идея совмещения всех трех уровней анализа власти встречается у современных последователей М. Фуко не часто и, как правило, исключает один из уровней анализа власти. К примеру, Вильям Богард в своем анализе связывает

дисциплинарную власть и устрашение, последнее, впрочем, можно в каком-то смысле отнести к технологиям суверенного типа власти (Bogard, 1991). Боб Джессоп считает, что термины суверенная власть, дисциплинарная власть и «правительственность» в работах Фуко отражают три исторические формы государства, что является спорным утверждением (Jessop, 2007). Отличительной чертой многих западных исследователей, которые используют методологию Фуко, является применение его концептов как готовых, т.е. как они есть, без попытки теоретического их переосмысления или реконструкции для анализа более частых случаев. К примеру, Аннукка Ваинио и Риикка Палониemi (Vainio, Paloniemi, 2012), а также Георг Винкель (Winkel, 2012) используют дискурс как социальную практику для анализа власти, опуская остальные элементы концепции власти Фуко. Эдриан. Г. Бейли использует термин биополитика и включает ее в общий арсенал техник «правительственности», но не использует суверенную или дисциплинарную власть для анализа социального маркетинга (Bailey, 2013). Такой же подход демонстрирует и Пол Кросхоу для анализа проблем миграции в Европе (Crawshaw, 2012). Крупнейшим критиком и ревизором концепции биополитики является Джорджо Агамбен, однако он пересматривает терминологию Фуко и его концепт биополитики приобретает совсем другие черты (Agamben, 1995).

Отечественные исследователи также анализируют политическую власть М. Фуко, однако, как правило, анализ ограничивается лишь представлениями французского философа о государстве, а также игнорируется концепт биовласти. Можно отметить работу Н. В. Лизиной, которая подчеркивает, что в истории власти у Фуко существуют три формы организации государства — справедливое государство, территориально-административное, или полицейское, государство и государство управленческое (Лизина, 2011). О. В. Кильдюшов проводит детальный анализ концепта «полицейского государства», но в своем анализе не использует суверенную власть и биовласть (Кильдюшов, 2014). А. С. Макарычев упоминает суверенную и дисциплинарную власть как два режима функционирования власти, в то время как биополитика — метод для разграничения двух граней феномена суверенной власти (Макарычев, 2010). Крупнейший отечественный исследователь постмодернизма и французской философии И. П. Ильин уделяет внимание суверенной и дисциплинарной власти и полностью игнорирует биовласть как концепт (Ильин, 1996).

Таким образом, в этих и других работах, в которых используется фукодиганская методология, отсутствует объединение всех тех подходов к уровням, или типам, власти, которые французский ученый четко очерчивает в своих исследованиях. Особенность данной статьи состоит в том, что автор пытается объединить три типа власти, которые, согласно Фуко, в исторической ретроспективе накладывались друг на друга и встраивались в институт государства и взаимодействовали с ним.

По мнению Фуко, суверенная власть ведет начало от Средневековья и появилась в Европе благодаря возрождению идеи римского права, а также вследствие формирования идеи монарха и монархии в целом. В первую очередь она держалась на теории суверенитета, которая развивалась как в политическом, так и в юридическом дискурсе. Второй точкой опоры этой власти является право, формирование которой взял на себя философско-юридический дискурс. Таким образом, такой тип власти держится на власти суверена через контроль людских ресурсов и использует при этом законодательство и государственную систему права. Суверенитет и право являются основаниями этой власти. При этом, по мнению М. Фуко, неважно, о каком суверенитете идет речь — как теория общественного договора (Гоббс, 1991), так и теория «народного суверенитета» Ж.— Ж. Руссо (Руссо, 1998) в равной мере удовлетворяли власть. Фуко подчеркивает, что само создание понятия суверенитет оказалось ловушкой как для теоретиков, которые пытались осмыслить это понятие, так и для тех, кому было бы выгодно от нее избавиться. Это объясняется тем, что само понятие суверенитет и любой способ функционирования власти в рамках этой концепции мог быть описан только как отношение между сувереном и лицом зависимым (т.е. субъектом и объектом). Это видно на примере того, как посредством образования теории суверенитета, сознательно или бессознательно, ставились и достигались совершенно разные задачи. Авторы идеи монархии и форм их обоснования, католические монархисты и протестантские антимонархисты, которые использовали теории суверенитета для ограничения или укрепления королевской власти, сторонники идеи цареубийства и смены династий, аристократы, парламентарии, феодалы, Руссо и другие авторы альтернативных моделей парламентской демократии — все использовали теорию суверенитета как оружие в политической борьбе.

Основные методы осуществления суверенной власти Фуко описывает в своей знаменитой книге «Надзирать и наказывать» (Фуко, 1999). Публичные казни с применением пыток, общественные работы на публике — иными словами — театральность наказания, а значит, и демонстрации власти, окончательно уходят к концу XIX в. Публичную пытку или казнь следует понимать не только как чисто судебный, но и как политический ритуал. Если нарушение закона или порядка — это микроподрыв власти суверена, то казнь является возмездием за этот подрыв и ее восстановление. Сама по себе жестокость, которая проявляется при подобных мероприятиях, — некое обязательное свойство этой церемонии, посредством которой власть показывает себя. Однако наказание со временем становится более скрытным действием, которое осуществляет правосудие. При работе суверенной власти наказание является примером для других, оно выражено в формуле «насилие за насилие», ведь пытка или длительная и болезненная казнь являются таким же насилием, которое не поддерживает, а скорее, наоборот, уничтожает престиж всей судебной системы от фигуры судьи — до фигуры палача. Вслед за различными методами наказания, которые вызывали

боль, последовали методы лишения или исключения. Лишения имущества, жилья, прав на свободу передвижения, исключения и гонения — все это также механизмы наказания, присущие суверенному типу власти. С течением времени снижалась театральность этой власти, а ее административно-правовая составляющая усиливалась. Важно отметить, что М. Фуко настаивает на том, что власть должна рассматриваться не только как репрессивная политическая технология, но и как политическая технология, которая производит новые отношения и знания — именно когда отмечает переход власти в сферу дисциплины. Говоря же о власти суверенной, М. Фуко в целом согласен с мыслью, что она как раз может быть названа репрессивной и подавляющей, однако была такой недолго в силу снижения своей эффективности по ходу истории (Фуко, 2005).

Дисциплинарная власть, как говорит французский исследователь, стала главным инструментом капитализма и индустриального общества и, появившись в XVII–XVIII вв., была крайне удачным изобретением буржуазии того времени. Безусловно, поскольку институт государства продолжал функционировать, суверенитет и право также продолжали использоваться, однако их основная функция изменилась. Теперь политико-юридическая власть главным образом стала прикрывать и в некоторой мере оправдывать дисциплинарную власть. Таким образом, суверенная власть стала лишь обтекать, прикрывать и маскировать реальную и действующую власть, которая была более эффективной и использовала своим главным методом дисциплину.

Дисциплинарная власть должна была полностью заменить собой власть прошедшей эпохи — эпохи монархии. Механизмы дисциплинарной власти качественно отличались от суверенной власти. Суверенная власть позволяла основать абсолютную власть, которая требует больших издержек, интенсивное использование различных символов власти, ее демонстрации. В то же время дисциплинарная власть предполагала иной метод — минимальные издержки при максимальной эффективности, которой можно достигнуть путем выработки правил, норм, распределений времени, регистрации, постоянного наблюдения при отсутствии контроля и т.д. Если механика власти, которую задавала теория суверенитета, исходила скорее из контроля над землей и ее ресурсами, то дисциплинарная власть работает в другом направлении, а именно — работает с людьми и их деятельностью, или, в целом, со временем и трудом. Такая технология власти также позволила бы полностью уйти за рамки теории суверенитета от юридического дискурса. Однако, как отмечает М. Фуко, этого не случилось, поскольку, несмотря на кажущееся противоречие этих двух типов власти (основанных на теории суверенитета и дисциплины соответственно), юридический аппарат мог помочь «спрятать» дисциплинарные методы, спрятать их за буквой закона, скрывая при этом получение максимальной эффективности управления (Фуко, 2005). Теория суверенитета должна была уйти на второй план, но, со

временем став «лицевой стороной» власти, глубоко интегрировалась и сплелась с дисциплиной.

Несколько слов об исторической детерминации появления новой технологии власти.

Во-первых, суверенная власть была направлена скорее на человека (т.е. на объект) как на нечто, что приносит доход (через налоги в казну) или как на некую функцию (служение в армии, служение при дворе, работа, осуществляемая человеком и т.д.). Однако усиление буржуазии, укрепление капитализма, перенос центра влияния, как денежного, так и политического, с королевского двора на капиталистическую фабрику привели к тому, что человека стали рассматривать как нечто, что дает постоянный, стабильный доход, прибыль и, что самое главное, возможность эффективно воспроизводить население. К примеру, усиление и одобрение института семьи в XVIII в. — через использование юридического механизма, но с помощью дисциплинарных методов означало, что буржуазия нуждалась в большом количестве нормальных (а нормализацию можно было провести только в рамках дисциплинарной власти) семей, которые гарантированно работают, гарантированно потребляют, а значит, приносят прибыль и гарантированно дают потомство.

Во-вторых, сыграло роль и увеличение населения. Суверенная власть, как уже было сказано, использовала очень дорогостоящую систему контроля (сборщики налогов, большая иерархическая система вассалов) и наказания (содержание армии, городской стражи, палачей и т.д.). Затратными были и издержки на символическое поддержание власти, будь то пышные парады или пиры, как символ щедрости монарха, или демонстративные казни с множеством символических признаков (одну из таких Фуко описывает в начале книги «Надзирать и наказывать»). Было невозможным оставлять эту систему без изменений при увеличивающемся народонаселении. Дисциплинарная технология власти предлагала гораздо более эффективную систему контроля (концепт Паноптикума) и менее затратную, и в то же время более скрытую, систему наказаний, что было выгодно в первую очередь государству и сторонникам монархической власти.

Такой ход истории власти или, иными словами, такая эволюция власти, безусловно, произошла из-за защиты интересов определенных слоев населения — а именно аристократии и приближенных к монаршей власти людей. Именно они, все больше теряя влияние в европейском обществе XVII–XVIII вв., почувствовали острую нужду в реорганизации механизмов суверенной власти — теории суверенитета и политико-юридического дискурса. С теоретической точки зрения, это привело к тому, что и дисциплинарная власть оказалась втянута в рамки теории суверенитета, что в свою очередь сохранило бинарность позиций субъект–объект. Это позволяет утверждать, что дисциплинарная власть, как и суверенная, осталась такой же модернистской, а радикальные изменения,

которые могли произойти с теорией власти или анализом политической власти в XVIII в., так и не осуществились.

Фуко вводит в свою концепцию власти понятие «паноптикум». Этот концепт он изобретает благодаря вдохновению от прочтения одноименного произведения И. Бентама. В своем интервью французский философ утверждает, что, изучая устройство тюрем и эволюцию строения тюрем, он столкнулся с тем, что на И. Бентама ссылаются все сочинения, написанные на эту тему. Главное в идее паноптикума у И. Бентама заключается в правилах и принципах построения тюрем, которые описывает Фуко: «Правило таково: по краю расположено кругообразное здание, в середине этого круга находится башня, в башне же проделаны широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Строение по краю разбито на камеры, каждая из которых проходит сквозь всю толщу здания. У этих камер по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. Тогда и оказывается, что вполне достаточно поместить в срединную башню одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осужденного, рабочего или школьника. И на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания. Короче говоря, так мы переворачиваем правило темницы, ибо оказывается, что полная освещенность и взгляд надзирателя стерегут лучше, чем тьма, которая в конце-то концов укрывает» (Фуко, 2006).

Биовласть является третьим типом власти, о которой французский философ упоминал в своих исследованиях. В ходе своего внедрения в европейскую жизнь во второй половине XVIII в. биовласть не исключает ни тех механизмов, которые работали в эпоху монархии, т.е. теорию суверенитета и политико-юридический дискурс, ни механику дисциплинарной власти, которую она скорее модифицирует. Биовласть не только в хронологическом смысле стала третьей стадией эволюции власти внутри западной цивилизации, но и третьим и самым глобальным уровнем управления людьми. Ее основное отличие, которое и придает ей глобальность, заключается в следующем.

Если суверенная власть направлена на объект-тело, человека, который исполняет функцию, то дисциплинарная власть направлена на объект-тело, но как на человека, который должен был быть нормальным (т.е. принадлежать к совокупности нормальных людей) и исполнять функции. Биовласть в свою очередь концентрируется на объекте-множественности, т.е. не на теле, а на массе, или, как говорит Фуко, «обращена к человеку как к живому существу, человеку-роду» (Фуко, 2005). Биовласть не подвергает человека техникам надзора, использования, дрессировки, наказания, как это делает дисциплинарная власть. Биовласть озабочена другим уровнем работы, а именно — биологическим процессом жизни, таким, как рождение, смерть, воспроизводство, болезнь и др.

Таким образом, новый тип власти не делает акцент на управлении индивидом через систему дисциплинирования, а регулирует процессы, связанные с большими скоплениями живых существ — людей.

Отсюда происходит и смена фокусировки и механики власти. Биополитика, т.е. политика, осуществляемая по методам биовласти, по мнению Фуко, вмешивается в большую совокупность как универсальных, так и случайных феноменов и регулирует их таким образом, чтобы управление оказалось наименее затратным и наиболее эффективным. Во-первых, вырабатываются приемы контроля за рождаемостью и разрабатываются схемы вмешательства в глобальные процессы рождаемости, медицинский контроль, установление общественной гигиены, сбор информации о болезнях и их централизация и т.д. Во-вторых, происходит обращение к проблемам заболеваний — если ранее эпидемии рассматривались как нечто смертоносное и непреодолимое, то теперь это рассматривается как эндемия — нечто совершенно естественное, что можно изучать, устранять, регулировать, заниматься профилактикой и т.д. Сам феномен смерти стал рассматриваться не как обрушение жизни, а как нечто, что постоянно подтачивает жизнь, медленно ее разрушает. Появляются все более гуманные меры по сохранению человеческого рода — обеспечение старости и помощь инвалидам, сокращение рабочего дня, компенсации за увечья или несчастные случаи, страхование, система накоплений и т.д. К наиболее важным задачам относятся сбор статистики, глобальные измерения, предсказания и изменения процессов, воздействие на процессы, которые могут принести ущерб. То есть теперь власть преобразует не индивида, а те процессы, которые воздействуют на индивида. Фуко называет такой тип управления регулятивным. Все это говорит о том, что биовласть создает гораздо более тонкие, изощренные и в то же время гораздо более широкомасштабные методы по изменению самого управления людьми в западной цивилизации.

Таким образом, суверенная власть работала с индивидом, подписавшим контракт (передача суверенитета), дисциплинарная власть — с телом человека, а биовласть — с социальным телом, т.е. с населением. Биовласть занимается политическими и экономическими проблемами, исходя из биологических потребностей этого социального тела. При этом биовласть не только разрешает конкретные проблемы, но и взаимодействует со случайными событиями (катастрофы, эпидемии и т.д.). Более того, она работает на самом глобальном уровне в пространственном и временном смысле — с масштабными и продолжительными феноменами.

Говоря о новизне такой власти, Фуко утверждает, что на смену суверенной власти, которая «позволяла жить и заставляла умереть», пришла биовласть, которая «позволяла умереть, но заставляла жить» (Фуко, 2005). Схожее сопоставление можно сделать и с дисциплинарной властью. Дисциплина концен-

Вид власти/ Признаки	Дата появления	Объект власти	Основание власти	Концентрация	Методы	Отношение к знанию
Суверенная власть	XVI–XVII вв.	Человек-функция	Теория суверенитета	Государство, законы	Право, символы, демонстративные наказания, исключение, прямой контроль и наблюдение	Негативна, использует практики исключения
Дисциплинарная власть	XVII–XVIII вв.	Человек-тело	Необходимость изучать, исследовать, собирать статистику	Тюрьмы, школы, казармы, больницы, метрополитен	Дрессировка, скрытые наказания, косвенное наблюдение и контроль	Позитивна, использует практики включения
Био-власть	Вторая половина XVIII в.	Жизненные процессы	Масштабные и случайные события, глобализация	Нормы	Регуляция процессов	Позитивна, использует практики включения

трируется на теле, заставляя его сделаться более послушным и полезным, в то время как объектом биовласти являются жизнь, жизненные процессы.

Поскольку М. Фуко считает, что эти различные типы власти до сих пор существуют в современных обществах (Фуко, 2005), можно резюмировать, что *современная политическая власть является комплексной стратегией, которая включает в себя три уровня и применяет главным образом дисциплинирующие и регулирующие механизмы*. Фуко подтверждает эту мысль, акцентируя свое внимание на причинах появления дисциплинарной и биовласти. Дело в том, что суверенная власть и ее механика не справлялись или справлялись с недостаточной эффективностью с контролем населения. Как было сказано ранее, именно индустриализация и демографический бум послужили толчком к разработке и скорейшему внедрению новых типов власти. Суверенная власть имела слишком неповоротливый механизм, чтобы контролировать индивида, и была слишком неэффективной для работы на глобальном уровне. Дисциплинарная и биовласть решила эти вопросы соответственно. В таблице, представленной автором, продемонстрированы общие характеристики каждой власти.

У новых типов власти есть и еще одно существенное отличие. В своем курсе лекций «Ненормальные» Фуко, возвращаясь к технологиям власти в их исторической перспективе, предлагает разделение власти на позитивную и негативную (Фуко, 2004). Французский исследователь указывает на то, что в Средние века основным механизмом борьбы с болезнями и эпидемиями, в частности с проказой, было исключение (изгнание, дисквалификация, маргинализации). Практика исключения была вполне естественной для Средних веков, так как методы исключения использовались именно для тех явлений, которые были непонятными и необъяснимыми. Неведенье ведет к исключению какого-либо явления из социальной жизни, никаких попыток изучить явление не производилось. Отчасти такие методы используются и сейчас в отношении преступников, сумасшедших, больных и т.д. Однако ближе к XVIII в., когда количество других маргиналов — преступников, бедняков, бродяг, распутников — разрослось до таких пределов, что продолжать практику исключения стало больше невозможным, на смену ей пришла практика включения. В XVIII в. по отношению к больным лепрой стала использоваться практика включения. Фуко приводит такой пример: «Город в состоянии чумы... подразделялся на округа, округа делились на кварталы, в кварталах разграничивались улицы, и на каждой улице назначались наблюдатели, в каждом квартале — инспекторы, в каждой округе — окружные управляющие; городом же руководил специально назначенный комендант и эшеваны, наделявшиеся на время эпидемии дополнительной властью. Итак, эта территория анализируется во всем, вплоть до ее мельчайших элементов, после чего на ней, таким образом изученной, организуется непрерывная власть... Начиная с часовых, дежуривших у дверей крайних на улице домов, минуя квартальных и заканчивая ответственными за округа и город, вам предстает величественная пирамида власти, никаких пропусков в которой не допускалось. Причем непрерывность этой власти относится не только к ее иерархической пирамиде, но и к ее исполнению, поскольку надзор должен был осуществляться без перерыва... Все полученные наблюдения неукоснительно регистрировались: перепроверив, их заносили в специальные книги учета... Все сведения, собранные в ходе этой процедуры — повторявшегося дважды в день обхода, своеобразного смотра, парада живых и мертвых под командованием инспектора, — все эти сведения, занесенные в список, затем сличались с общей книгой, которую эшеваны хранили в центральной администрации город» (Фуко, 2004).

Таким образом, произошло разделение власти на негативную и позитивную. Реакция на проказу — это негативная реакция, реакция отторжения, исключения и т.п. Реакция на чуму позитивна, это реакция включения, наблюдения, накопления знаний, умножения властных эффектов исходя из накопленных наблюдений и знаний. Негативная власть постепенно отходила на второй план, уступив место власти позитивной, поскольку последняя сама по себе производит знания, которые в дальнейшем власть может использовать.

Общество, которое управляется в рамках этих трех уровней, можно назвать обществом нормализации. Фуко вводит понятие «норма», которое, по его мнению, применялось для одних и тех же целей, как на уровне дисциплины, так и на уровне биовласти (Фуко, 2004).

Французский философ, ссылаясь на книгу Ж. Кангилема «Нормальное и патологическое», выделяет несколько ключевых аспектов нормализации для феномена власти. Во-первых, зарождение феномена нормализации можно отметить в XVIII в., что совпадает с примерным появлением дисциплинарной власти и ослаблением власти суверенной. Нормализация начала активно внедряться в социальную, производственную, военную, образовательную и политическую сферы. Нормализация ярко выражена в военных уставах, стандартизации школ, вакцинации или других методах стандартных медицинских процедур и т.д. Во-вторых, понятие норма определяется отнюдь не так, как естественный закон, т.е. не имеет никакой метафизики. Ее основные функции — требование и принуждение, которые распространяются на определенные области. Поэтому, как говорит Фуко, «норма является носителем некоторой властной претензии. Норма — это не просто и даже вовсе не принцип интеллигибельности, это элемент, исходя из которого обосновывается и узаконивается некоторое исполнение власти» (Фуко, 2004). В-третьих, норма всегда подразумевает одновременную работу принципа квалификации и принципа коррекции. Основной функцией нормы, если говорить о позитивной или негативной сторонах власти, не является исключение или отторжение, что, тем не менее, было бы характерно для суверенной власти. Напротив, нормализация постоянно работает только в позитивном ключе, методом включения и преобразования. Норма не исключает участия, к примеру, индивида в каком-либо социальном процессе, она его дрессирует, подготавливает, адаптирует. Тем не менее это делается исключительно с позиции власти и осуществляется рядом определенных социальных и политических институтов.

Подводя итог, можно сказать, что хоть эти три типа власти и появлялись в разные исторические периоды, они, накладываясь друг на друга, стали составлять единый и разросшийся комплекс различных стратегий власти для управления людьми. При этом степень участия государства в управлении людьми всегда снижалась, или, точнее говоря, власть государства стала перетекать в руки других общественных институтов, которые в той или иной мере являются подотчетными государству. Эти три уровня власти, которые М. Фуко описал в своих исследованиях, но не концептуализировал до конца, представляют собой концепцию «правительственности». Такая логика развития государственной власти и ее механики отчасти делает беспочвенными утверждения, что институт государства, особенно в XXI в., ослабевает. Государство как субъект власти не ослабел, а делегировал свою власть, сделал некое «переливание» части своей власти в другие институты, чтобы снять нагрузку с себя. Трехуровневая концепция власти М. Фуко дает возможность по-новому анализировать современную

политическую власть или властные отношения в целом, однако, несмотря на это, требует значительной проработки и детализации для включения в анализ влияния современных технологий, развития знания и полномасштабных политических изменениях.

Библиографический список

1. Гоббс, Т. (1991). *Левиафан*. Москва: Мысль.
2. Ильин, И. П. (1996). *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм*. Москва: Интрада.
3. Кильдюшов, О. В. (2014). Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения. *Социологическое обозрение*, 13 (3), 9–32.
4. Лизина, Н. В. (2011). Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко. *Известия Алтайского государственного университета*, 2 (2), 206–209.
5. Макарычев, А. С. (2010). Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6 (4), 22–53.
6. Руссо, Ж.–Ж. (1998). *Об общественном договоре*. Москва: «КАНОН-пресс».
7. Фуко, М. (2005). *Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
8. Фуко, М. (2004). *Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
9. Фуко, М. (2006). Око власти. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью* (с. 220–249). Москва: Праксис.
10. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: «Ad Marginem».
11. Agamben, G. (1995). *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press.
12. Bogard, W. (1991). Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. *The Social Science Journal*, 28 (3), 325–346.
13. Winkel, G. (2012). Foucault in the forests — A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. *Forest Policy and Economics*, 16, 81–92.
14. Crawshaw, P. (2012). Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. *Social Science and Medicine*, 75, 200–207.
15. Bailey, A. J. (2013). Migration, recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. *Geoforum*, 44, 202–210.
16. Jessop, B. (2007). From micro-powers to governmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. *Political Geography*, 26, 34–40.
17. Vainio, A. & Paloniemi, R. (2012). Forest owners and power: A Foucauldian study on Finnish forest policy. *Forest Policy and Economics*, 21, 118–125.

Статья поступила в редакцию 17.11.2015

THREE-LEVEL CONCEPTION OF POLITICAL POWER OF M. FOUCAULT

Rusakov S. S.

Rusakov Sergey Sergeevich, Saint Petersburg State University, 193060, Russia, St. Petersburg, ul. Smolny d.1–3, 7th entrance. E-mail: arias456@mail.ru

This article is devoted to the key problems, concerning the concept of political power, designed by Michel Foucault. The main idea is that Foucault in his work outlined some features of three-level system of governmentality, that is inherent in political power. However, all these levels of governmentality or, in general, levels of power, have appeared in different historical periods and have been imposed on each other and, in parallel with this, have created a huge complex of power strategies. In the epoch of establishment of state-nation was a sovereign power, at the top of the modern period it was disciplinary power that had its advanced development, but for nowadays western society and state government biopolitics more inherent. These 3 types of controlling of people in their cooperation formulate the foucauldian concept of so-called "governmentality". It is emphasized that all three types of power have some theoretical foundation that directly influences its further development. The most important source for creating of this three-level system of power is the course of lectures "Society must be defended", but still separated concepts can be found in some other researches of Michel Foucault. In general, this three-level system of understanding of power can be applied as methodology for power relations researches in modern world, particularly in the cases when traditional concepts of power are not able to find regulative functions of power, that are very typical for biopolitics, or disciplinary mechanisms, that are not peculiar to traditional approach in analysis of power.

Key words: power, sovereign, disciplinary power, biopower, state, normalization

References

1. Hobbes, T. (1991). *Leviathan* [Leviathan]. Moscow: Mysl.
2. Ilyin, I. P. (1996). *Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism*. [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada.
3. Kildushov, O. V. (2014). Michel Foucault kak issledovatel policeiskogo gosudarstva: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya [Michel Foucault as researcher of "police state": program, heuristic problems, perspectives of research]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 13 (3), 9–32.
4. Lizina, N. V. (2011). Praktiki vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotah M. Fuko [Power Practice as Managerial Relations in the Works of M. Foucault]. *Izvestiya Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Periodicals of Altaian State University], 2 (2), 206–209.
5. Makarychev, A. S. (2010). Suverenitet, vlast' i politicheskaya sub'ektnost': dve linii kriticheskoy teorii [Sovereignty, Power, and Political Subjectivity: Two Ways of Reasoning within Critical Theories]. *Politicheskaya ehkspertiza: POLITEHKS* [Political Expertise: POLITEX], 6 (4), 22–53.
6. Russo, ZH.–ZH. (1998). Ob obshchestvennom dogovore [About social contract]. Moscow: "KANON-press".
7. Fuko, M. (2005). *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society Must Be Defended: course of lectures given in College de France in 1975–1976]. Saint-Petersburg: Nauka.

8. Fuko, M. (2004). *Nenormal'nye: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Abnormal: course of lectures given in College de France in 1974–1975]. Saint-Petersburg: Nauka.
9. Fuko, M. (2006). Oko vlasti [The eye of the power]. *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Featured political articles, speeches and interviews] (p. 220–249). Moscow: Praxis.
10. Fuko, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: "Ad Marginem".
11. Agamben, G. (1995). *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press.
12. Bogard, W. (1991). Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. *The Social Science Journal*, 28 (3), 325–346.
13. Winkel, G. (2012). Foucault in the forests — A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. *Forest Policy and Economics*, 16, 81–92.
14. Crawshaw, P. (2012). Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. *Social Science and Medicine*, 75, 200–207.
15. Bailey, A. J. (2013). Migration, recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. *Geoforum*, 44, 202–210.
16. Jessop, B. (2007). From micro-powers to governmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. *Political Geography*, 26, 34–40.
17. Vainio, A. & Paloniemi, R. (2012). Forest owners and power: A Foucauldian study on Finnish forest policy. *Forest Policy and Economics*, 21, 118–125.